

В. И. ЛЕНИН и А. М. ГОРЬКИЙ на II Конгрессе Коминтерна 19 июля 1920 г.

ДВОЕ

Ленин и Горький — содружество этих людей исполнено глубокого смысла. За их взаимоотношениями стояли революция, дело рабочего класса, социализм.

ОДНА из самых любимых старых фотографий: двое — Ленин и Горький.

Два удивительных человека из глубины России, два волгара, два резко очерченных лба, скучающие лица, исполненные необычайной духовной энергии, фигуры, словно напряженные для дерзкой мысли, больших чувств, смелых действий, борьбы до конца.

В одном издании — скучная справка о foto: «Петроград, 1920 г.». И вдруг находишь у Константина Федина запись, точную и взволнованную, — Ленин и Горький тогда были на конгрессе Коминтерна, Федин тоже довелось там быть, слушать речь Ленина, и она казалась ему «огненной по самому смыслу, и в деловых его словах, подобных выкладкам ученого, билась, как сердце, мечта нового мира. Конгресс не только следил за движением ленинской мысли, но будто касался ладонями ленинской души».

Федин потом описывает, как Ленин и Горький после заседания конгресса, после речи Ленина вышли из дворца «почти соединенные, сжатые людьми, рука об руку». И вот какая-то секунда, когда они, оставшись вдвоем, оказались перед объективом фотографов.

«Горький стоял у колонны, позади Ленина, без шляпы, голова его, залита солнцем, была видна далеко, кругом повторялось его имя.

Я увидел на лице Горького новые черты, каких не помнил из прежних встреч. Он был, наверно, до глубины взволнован и преодолевал волнение, и это сделало его взгляд жестким, всегда живые складки щек — неподвижными. Он показался мне очень властным, и все лицо его словно выражало непреклонность, которая только что прозвенела в речи Ленина и которой дышала весь конгресс.

Стиснутый толпой, глядя через плечи и головы людей, я изо всех сил старался не пропустить какого-нибудь движение этих двух человек, стоявших рядом, — Ленина и Горького. И мне казалось — все лучше, что я когда-нибудь думал о Горьком, воплощено в нем в этот миг, в этой близости к Ленину — к высшему осмыслению всего проходившего в мире».

О многом думается в столетний юбилей Алексея Максимовича, но, может быть, больше всего — об удивительной дружбе двух людей огромной одаренности, людей, похожих и непохожих друг на друга, людей единой цели и одной любви к рабочему

классу, проложивших новые пути и к разуму и к сердцу народному, людей, практически овладевших, может быть, самыми важными ключами от будущего.

ОНИ БЫЛИ почти одногодками. Их жизненные дороги начали рано сближаться.

Они вполне могли встретиться в молодости в Казани, и горьковский биограф Илья Грузdev сопоставляет: приехав в Казань с мечтой об университете, Горький попадает в подвал булочной. Ленин в те же годы приезжает в Казань, приезжает с той же целью — университет, но двери «императорского университета раскрылись перед ним чрезвычайно». В декабре 1887 года в Казанском университете возникли волнения, в результате которых Ленин с группой студентов был исключен из университета...

Но встретились они впервые лишь в 1905 году, хотя и насыщены были друг о друге давно. Прошедшие годы иногда обладают свойством как-то смещать события, называя свои измерения как заданные, и невольные упрощения подчас вплзают в трактовку взаимоотношений Ильича и Горького — мол, как же могло быть иначе: Горький шел за Лениным, Ленин его, так сказать, поучал, а случались «зигзаги» у писателя — учитель легко подправлял ученика.

Но Горький встретился с Лениным, будучи великим писателем, когда его слава уже была мировой, когда упрямо именуемый по лицей «нижегородским цеховым малярно-го цеха мастером Алексеем Максимовичем Пешковым» писатель вышел на смелый поединок с царем и царизмом, когда вся демократическая Россия ему дружно рукоплескала, и Блок говорил о Горьком: это и есть Русь!. Ленин для многих был тогда еще сравнительно мало известен.

И вот этот Горький в складывающейся дружбе нашел не только радость единомыслия, совместной борьбы, взаимоуважения, но и нашел в себе силу разбираться иногда мучительно в тех истинах, которые в ряде случаев иначе формулировал Ильич.

И Ленин не только испытывал наслаждение от живого ума, художественной зоркости, неистощимости социальных чувств и действий солидарного с ним друга, не только обогащался с ним, но и находил желание, исходившее из него.

Потому же так? — спросим себя.

И потому, что они были велики, не ме-

лочны, серьезны в своей дружбе как личности особенные, незаурядные.

И потому, что за этой дружбой, за этими взаимоотношениями стояло что-то более важное, чем личные моменты, самолюбие, капризы — стояла революция, стояло дело рабочего класса и социализма.

С ПЕРВОГО ДНЯ личных контактов — петербургской встречи пятого года — вошел в их дружбу смех, — да, смех, при всех трудностях, горестях, сложных перипетиях борьбы подполья тюремных заключений, эмиграции.

Приметим: М. Ф. Андреева, верный друг Горького, очевидно, очень много сделавшая для сближения Горького с партией, рассказывает о первой петербургской встрече, свидетельницей которой она была:

«Помню, как Ленин вышел к нам навстречу... и быстро подошел к Алексею Максимовичу. Они долго жали друг другу руки. Ленин радостно смеялся (курсив мой). — А. М.), а Горький, сильно смущаясь и, как всегда при этом, стараясь говорить особенно солидно, басистым голосом все повторял подряд:

— Ага, так вот вы какой... Хорошо, хорошо! Я очень рад, очень рад!»

А сам Горький, уже в последние дни своей жизни, однажды ночью начал рассказывать профессору А. Д. Сперанскому о первой с Лениным встрече: «Я об этом еще не писал, да, кажется, и не говорил... Он маленький, лысый, с лукавым взглядом, а я большой, нелепый, с лицом и ухватками мордвы. Сначала как-то все не шло у нас, а потом посмотрели мы друг на друга внимательней, рассмеялись, и обоим сразу стало легко говорить...»

И в одном и в другом рассказе вот это в центре: рассмеялись. Смех действительно очень много вмещает в себя. И когда Горький рассказывал, например, о своей встрече с Лениным на лондонском съезде партии, о том, как он сообщил Ильичу, что русская и американская цензура испортила книгу «Мать» и что ее автора решено привлечь к суду, — мы дальше различаем «механизм» ленинского смеха: «Сначала поморщился, а затем, вскинув голову, закрыв глаза, засмеялся каким-то необыкновенным смехом».

ИХ РОДНИЛО активное отношение к жизни, громадная любовь к человеку труда, яростная и холодная ненависть ко всем угнетателям и ко всем бедам людским. Широко известны высказывания Ленина о том, как много сделал Горький для рабочего класса своими художественными произведениями, как ценил он этого художника. И все же хочется знать еще «что-то», раскрывающее нам, чем была для Ленина дружба с Горьким... Надежда Константиновна Крупская приоткрывает завесу: после лондонского съезда, на котором присутствовал Горький, «у Ильича всегда светело лицо и мягчили глаза, когда он говорил о Горьком».

«Учиться у него нужно, как смотреть и

слушать», — так, по свидетельству В. А. Деницкого, говорил о Горьком Ильич, и сам Ильич наслаждался тем, что, беседуя с писателем, получал те «мелочи», конкретные детали, факты, слова, которые давали всегда свежее, непосредственное впечатление действительности. «Мало было людей, к которым Ленин относился бы с такой любовью, как к Горькому», — писала Мария Ильинична, — как-то оживлялось всегда его лицо при свиданиях с Алексеем Максимовичем. Он мог беседовать с ним часами, и видно было, что эти беседы доставляют ему истинное удовольствие».

Ленин был не только неизменно внимательным читателем выходивших горьковских книг, он, без сомнения, был чрезвычайно близок ко всей творческой лаборатории Горького, принимал близко к сердцу его говорческие замыслы, был рад поделиться советом...

Почему, почему так неизменна была эта ленинская любовь к Горькому, выдержала все испытания временем, ничто ее не сломило, не положило на нее никакой тени? Конечно, он видел в нем собрата по трудной борьбе, не сомневался в преданности Горького, был увлечен горьковским талалтом, всей личностью буревестника революции и повторял за ним в статьях: «Пусть сильнее грянет буря!». Он видел в нем подтверждение своего оптимизма, своей веры в людей, в духовную мощь рабочего класса, олицетворение своей мечты о преображении России, и это облегчило трудный путь Ленина.

«Его отношение ко мне было отношением строгого учителя и доброго, «заботливого друга», — определяет сам Горький и тут же приводит шутливую фразу Ленина: «Загадочный вы человек — в литературе как будто хороший реалист, а в отношении к людям — романтик...» Может быть, и Ленин иногда в отношении к Горькому был чуточку романтиком? Как никто другой, Ленин понимал, что Горький, говоря словами Луначарского, «умеет запустить руку в свое большое горячее сердце и выбросить оттуда пригоршню сокровищ, которыми богаты будем не только мы, но и дети наши, и внуки». Не в этом ли во всем объяснение того особого оттенка — даже в резкости мягкости, на которую обратила внимание Надежда Константиновна?

«Ильич пишет Горькому с резкой прямотой о том, с чем он не согласен, что его волнует, заботит. Ильич обычно так писал товарищам, но в письмах к Горькому есть особый оттенок. Пишет он часто очень резко, но в этой резкости много какой-то особой мягкости. Письма пишутся всегда под непосредственным впечатлением какого-нибудь факта, в них много эмоциональности — ярко отражена тревога, тяжесть некоторых переживаний, радость, надежды. Ильичу казалось, что Горький очень хорошо все это поймет. И всегда хотелось также Ильичу убедить Горького в правильности своих взглядов, он горячо защищал их».

(Окончание на 4-й стр.).

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

глаза, и тогда Горький слышал от Ленина «правду-матку», высказанную прямо, точно в глаза:

«Что же это Вы такое делаете? — просто ужас, право! Выходит, что Вы против богоподобия только ради замены его богостроительством!!! С точки зрения не личной, а общественной, всякое богостроительство есть именно любовное самосозерцание тупого мещанства, хрупкой обывательницы, мечтательного «самооплывания» филистиров и мелких буржуа, «отчаявшихся и уставших» (как Вы изволили очень верно сказать про душу — только не «русскую» надо бы говорить, а мещансскую, либо еврейская, итальянская, английская — все один черт, везде паршивое мещанство одинаково гнусно, а «демократическое мещанство»... сугубо гнусно)... Зачем для читателя набрасывать демократический флер вместо ясного различия мещав (хрупких, жалостно шатких, усталых, отчаявшихся, самосозерцающих, богоизбранных, богостроительных, богоизбывающих, самооплывавшихся, бестолково-анархистических — чудесное слово!!!) и прочая и прочая)

— и пролетариев (умеющих быть бодрыми не на словах, умеющих различать «науку и общественность» буржуазии от своей, демократию буржуазную от пролетарской?)

Зачем Вы это делаете?

Обидно дьявольски». Это — из письма 1913 года.

И вот что сам Горький писал об этом: «На ошибках — учимся», — часто повторял Владимир Ильин. Пусть же читатели знают эту мою ошибку. Было бы хорошо, если бы она послужила уроком для тех, кто склонен торопиться с выводами из своих наблюдений. (Курсив мой. — А. М.)

И вспомним еще, что говорил А. В. Луначарский об «ухабах» тех дней, об «излучинах» Горького от прямого пути, которые были в определенное время уделом и самого Анатолия Васильевича: «Даже тогда... Владимир Ильин ни одной минуты своей веры, своей любви к Горькому не ослабил. Именно тогда, в то время, посыпая ему свои талантливейшие, язвительные, злые и полные любви письма, он провозглашал, что Горький есть настоящий, подлинный пролетарский писатель, который очень много дал пролетариату и еще больше даст.

Алексея Максимовича иногда упрекали, что у него немножко закружилась голова, что он немножко растерялся, когда настала октябрьская буря. Но, товарищи, мало таких, кто не грешил в то время. У кого только тогда не закружилась голова! Ух ты, — с ухаба на ухаб, дух захватывало! И только пролетариат — основная база, матрёсская команда — не робел. Мало было таких людей из стали, которые остались верными до конца и крепили паруса под напором стихии, по команде великого капитана. Владимир Ильин к Горькому того времени относился изумительно. Я очень хорошо помню,

И великодушно похвалил:

— Зато дела дурацкие вы знаете назубок. Слушая ваши рассказы, даже бойкость не успеет написать. К тому же о здоровье

ДВОЕ

стремление превратить жизнь графа Льва Николаевича Толстого в «житие иже во святых отца нашего блаженного боярина Льва».

БЛИЗОСТИ Горького к Ильину, его неиступным думам об этом человеке мы обязаны тем, что у нас есть созданный современником бесценный и бессмертный художественный портрет Ленина. «Писал и обливался слезами», — делился Горький с М. Ф. Андреевой. Сколько ни перечитывай очерк — находишь новое, трепещущее... Тысячу раз перечитывай... Вот только о глазах:

...«И на лице, монгольского типа, горели, играли эти острые глаза неутомимого борца

против лжи и горя жизни, горели, прищуриваясь, подмигивая, иронически улыбаясь, сверкая гневом. Блеск этих глаз делал речь его еще более жгучей и ясной».

И он имел полное право написать на траурном венке, когда Ильин скончался: «Прощай, друг. Максим Горький».

С ним, Горьким, на следующий день после похорон делалась Надежда Константиновна в письме:

«Похоронили мы вчера Владимира Ильина.

Он был до самой смерти таким, каким и раньше — человеком громадной воли, владевшим собой, смеявшимся и шутившим еще накануне смерти, нежно заботившимся о других...»

И дважды в своих письмах Надежда Константиновна говорила Горькому:

...«И все вспоминалось мне, как Ильин в последний месяц своей жизни отыскал книгу, где Вы писали о нем, и велел мне вслушивать Вашу статью. Стоит у меня перед глазами лицо Ильина, как он слушал и смотрел в окно куда-то в даль — итоги жизни подводил и о Вас думал».

«Итоги жизни подводил и о Вас думал». Может быть, и о том месте из статьи Горького думал, где Алексей Максимович писал:

...«...Ленин больше человека, чем кто-либо иной из моих современников и, хотя его мысль, конечно, занята, по преимуществу, теми соображениями политики, которые романтик должен назвать «узко практическими», но я уверен, что в редкие минуты отдохна эта боевая мысль уносится в прекрасное будущее гораздо дальше и видит больше, чем я могу представить себе. Основная цель всей жизни Ленина — общечеловеческое благо, и он неизбежно должен прозревать в отдалении веков конец того великого процесса, началу которого аскетически и мужественно служит вся его воля...»

В позабывшем портрете Толстого, который особенно удалился Горькому, видишь все преклонение писателя перед Львом Николаевичем — «удивляться ему никогда не устанешь», и в то же время поражают разные краски, поражают все оттенки восприятия противоречивости этого титана: «Во Льве Николаевиче есть много такого, что порою вызывает у меня чувство, близкое ненависти к нему, и опрокидывается на душу угнетающей тяжестью... Меня всегда отталкивало от него это упорное, деспотическое

ярость! Верно, что был такой русский бог — Ярило? — спрашивал Горького Камо. И усыпывая — да, был такой бог, — однажды творческих сил, — остался очень доволен».

Горький собирал молодые силы советской литературы, зачинял одно за другим великие культурные дела, писал свою знаменитую публистику; вся страна и весь мир были неизменной ареной его организаторской, патриотической и интернационалистской деятельности.

И одновременно, десять последних лет жизни он создавал своего четырехтомного «Клим Самгина».

Эту книгу воспринимаешь и, как очень важное продолжение, своеобразный венец замечательной дружбы Горького и Ленина. Это был художественный подвиг и громадная отдача Ильину за все его уроки, за все его прозрения. Горький, когда-то сотовал, что не все успевал прочесть у Ильина. Очевидно, многое было возмещено, когда создавался «Самгин». Красноречивые свидетельства. В процессе работы над «Самгиным» для Горького была составлена биографическая справка о высказываниях Ленина по вопросам империализма, сводка об основных решениях и отношении большевистской партии к важнейшим историческим фактам от 1907 года до 1917 года. В 1935 году М. Горький перечитывал работу В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».

«Ваша Алексей Максимович, гениальная, в самом простом и полном смысле этого слова, — писал А. Фадеев Горькому, когда появился «Клим Самгин». — Вы как-то говорили, что требуется синтетическая вещь о нашей эпохе... Синтез нужен такой, чтобы соединил всю полноту реалистического анализа и показа всего многообразия и пестроты действительности. Для эпохи, подготовившей нашу, это осуществлено в «Климе Самгине».

В этом горьковском синтезе прозвучала самая веская, самая сокрушительная, самая убийственная пощечина Горького мещанам, «ультрасреднему человеку». Помните, смеялись последние страницы:

— Уйди! Уйди с дороги, таракан. И-эх, таракан!

И образ народа, принявшего в себя Ильина, выросшего народа, как бы поднимается над всей эпохой и над всей жизнью Горького...

* * *

Горький продолжается... Публикуется нечто в прежние тома, постепенно становится известной фантастически обширная переписка писателя, интересны новые исследования горьковедов.

В этих заметках — лишь несколько приносимых к ней. Собственно говоря — дружеское слово к читателю: прикоснись, покерни сам.

Александр МИХАЛЕВИЧ,